

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

КОДЕКС

ОТ СОАВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «БАГРОВЫЙ БЕРЕГ»!

Содержание

Благодарности

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
Дугласа Престона:
Каньон Тираннозавра
•
Кодекс

ДУГЛАС
ПРЕСТОН

К О Д Е К С

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Douglas Preston
THE CODEX
Copyright © 2004 by Splendide Mendax, Inc.
Published by arrangement with Tom Doherty Associates
All rights reserved

Перевод с английского Александра Соколова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Андрея Саукова

Престон Д.

Кодекс : роман / Дуглас Престон ; пер. с англ. А. Соколова. — СПб. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-21199-5

16+

«Привет с того света!» — заявляет Максвелл Бродбент на видеокассете, которую он оставил троим сыновьям, прежде чем исчезнуть вместе с коллекцией редких произведений искусства, драгоценностей и артефактов. Легендарный охотник за сокровищами, Бродбент решил похоронить себя заживо в древней гробнице, но ее местонахождение не указал. Если сыновья желают получить сказочное наследство, они должны отыскать могилу отца. Итак, на карту поставлено полмиллиарда долларов — в эту сумму оценивается коллекция. Но поистине несметное богатство может принести владельцу один из экспонатов — так называемый кодекс майя, рукопись, в которой описываются лекарственные средства от смертельных болезней. Братья отправляются в дальний путь поодиночке, не подозревая, что кое-кто еще желает прибрать к рукам коллекцию Бродбента. Гонка в джунглях Центральной Америки начинается...

© А. А. Соколов, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

*Алети Вон Престон
и Айзеку Джерому Престону*

Благодарности

В знак признательности за то, что появилась эта книга, в числе прочих я особенно хотел бы поблагодарить одного человека, и этот человек — мой добрый друг, бесценный Форест Фенн, коллекционер, ученый и издатель. Никогда не забуду наш обед в «Зале дракона» в «Розовой глинобитке», когда ты рассказал мне занятную историю, что и сподвигло меня на написание романа. Надеюсь, ты доволен тем, как я реализовал твою идею.

Упомянув Фореста, должен сразу оговориться: мой герой Максвелл Бродбент — чисто литературный персонаж. Характеры, взгляды, этические и семейные ценности этих людей — полные противоположности. Специально подчеркиваю это для тех, кто может вообразить, что разглядел в моей книге *roman à clef*¹.

Много лет назад два молодых неизвестных автора принесли издателю недописанный роман под названием «Реликт». Издатель рукопись купил, а затем отправил сочинителям письмо, в котором деликатно объяснил, как следует переделать и закончить произведение, и тем самым направил их на стезю, прямым выводящую к бестселлерам, которые потом превращаются в кинохиты. Этим издателем был Боб Глисон. И я чрезвычайно признателен ему за советы. Также я хотел бы поблагодарить Тома Догерти за то, что не прогнал блудного сына.

Не могу не упомянуть несравненного мистера Линкольна Чайлда, который в нашем литературном дуэте, безусловно, лидирует и который сделал по поводу рукописи «Кодекса» множество бесценных прозорливых замечаний.

Еще я многим обязан Бобби Роттенбергу — и не только за его помощь в разработке характеров и сюжета, но главным образом за великую, терпеливую дружбу.

Хочу назвать своих агентов: это Эрик Симонофф в «Janklow & Nesbit» в Нью-Йорке и Мэтью Снайдер в Голливуде. И выразить признательность Марку Розену, который помог развить в книге некоторые идеи, и Линде Обст, увидевшей в семистраничном синопсисе черты большого произведения.

Я большой должник Джона Коуча, который прочел рукопись и высказал много ценных предложений, главным образом по поводу холодного и огнестрельного оружия. А Никколо Капони подсказал блестящие ходы, как справиться с несколькими трудными сценами. Я также обязан Стиву Элкинсу, который исследует настоящий, а не выдуманный Белый город в Гондурасе.

В процессе написания «Кодекса» я пользовался несколькими книгами, среди которых хочу особо упомянуть «Снова в опасности» Редмонда О'Хэнлона и «Састун: мое ученичество у целителя майя» Розиты Арвиго — великолепную работу, которую я рекомендовал бы всем, кто интересуется медициной майя.

Рукопись несколько раз прочитала моя дочь Селина и раскритиковала в пух и прах, за что я ей чрезвычайно признателен. И еще я хочу поблагодарить мою жену Кристину и детей Алетию и Айзека за постоянную любовь и поддержку, без чего в моей жизни не было бы ни этой книги, ни всего остального.

¹ Роман с ключом (*фр.*). То есть произведение, в котором зашифрованы реально живущие люди.

Том Бродбент преодолел последний поворот подъездной аллеи и оказался лицом к лицу с двумя своими братьями, которые поджидали его у ворот имения Бродбентов. Раздраженный Филипп выбивал трубку о столбик ограды, а Вернон давил на кнопку звонка. За воротами молчаливо возвышался дом, горделиво, словно паша, устроившись на вершине холма, и верхний ряд его окон, трубы и башенки сверкали, залитые обильным послеполуденным солнцем столицы штата Нью-Мексико Санта-Фе.

— Не похоже на отца так опаздывать, — заметил Филипп и, сунув трубку в рот, с легким щелчком сжал мундштук ослепительно-белыми зубами. Он сам нажал на звонок, затем приподнял манжету и взглянул на часы.

А он нисколько не изменился, подумал Том: та же трубка из верескового корня, тот же насмешливый взгляд; щеки так же чисто выбриты, тот же запах лосьона; зачесанные назад волосы открывают высокий лоб, на запястье поблескивают золотые часы. Филипп был одет в серые свободные шерстяные брюки и синий пиджак. А его английский акцент сделался как будто еще заметнее. Вернон, напротив, вырядился в холщовые штаны, сандалии, отрастил длинные волосы и внешне стал похож на Иисуса Христа.

— Затеял с нами очередную игру, — предположил он и еще несколько раз прижал ладонью кнопку звонка.

Ветер прошелестел в кронах сосен и принес запах разогретой смолы и пыли. Огромный дом оставался безмолвным.

В воздухе поплыл аромат дорогого табака Филиппа. Он

повернулся к брату:

— Том, как дела у индейцев?

— Отлично.

— Рад слышать.

— А у тебя?

— Потрясающе. Лучше быть не может.

— А у тебя, Вернон? — спросил в свою очередь Том.

— Все в порядке. Лучше не придумаешь.

Разговор оборвался, братья посмотрели друг на друга и смущенно отвернулись. Том толком никогда не знал, о чем с ними говорить. Над головой, каркая, пролетела ворона. Группа у ворот застыла в неловком молчании. Прошло несколько долгих минут; Филипп еще пару раз стукнул по кнопке звонка и, ухватившись руками за литые прутья, сердито уставился сквозь металлическую решетку.

— Его машина в гараже; наверное, испортился звонок, — предположил он и возопил в пространство: — Эй, отец! Отзовись! Явились твои преданные сыновья!

Послышался скрип, и ворота под его весом подались.

— Они не заперты! — удивился Филипп. — Он никогда не оставлял ворота незапертыми.

— Значит, ждет нас дома, только и всего, — бросил Вернон.

Братья навалились плечами на тяжелые створки, и те раскрылись на неподатливых петлях. Вернон и Филипп вернулись к машинам, чтобы загнать их внутрь, а Том вошел в ворота пешком и оказался один на один с домом своего детства. Сколько же лет прошло с тех пор, как он приезжал сюда в прошлый раз? Три года? Его наполнили странные, противоречивые чувства — так случается, когда взрослым возвращаешься в места, где когда-то рос. Он снова оказался в Санта-Фе, в имении, где провел столько времени. Мощеная подъездная аллея полукругом огибала ведущие в холл двери семнадцатого века, собранные из вырезанных вручную

пластин мескитового дерева. Сам дом представлял собой приземистое сельское строение с резными стенами, украшенными орнаментами балками, нишами, порталами и дымоходами с настоящими колпаками, которые сами являли собой подлинное произведение искусства. Дом был окружен хлопковыми деревьями² и изумрудными лужайками. А с вершины холма открывался широкий вид на горы, сбегавшую вниз пустошь, огни города и переваливавшие через гряду Хемес грозные тучи. Дом не изменился, но вызывал иные ощущения.

Одна створка гаражных ворот оказалась распахнута, и Том разглядел в боксе зеленый отцовский «мерседес-гелендваген». Два других бокса были закрыты. Он услышал, как машины братьев прохрустели шинами по подъездной аллее и остановились у входа в дом. Хлопнули дверцы, и Филипп с Верноном присоединились к Тому.

В этот миг у Тома стало зарождаться тревожное чувство.

— Почему мешкаем? — спросил Филипп, поднялся по ступеням, подошел к дверям и несколько раз энергично надавил на кнопку звонка.

Вернон и Том последовали за братом.

Дом ответил им тишиной.

Как всегда нетерпеливый, Филипп в последний раз ударил по кнопке, и Том услышал за дверью переливчатый звон. Мелодия напоминала последние такты из «Мейм»³, что, по мнению Тома, отвечало специфическому чувству юмора их отца.

Филипп сложил ладони рупором и прокричал в дом:

— Эй, там!

Опять ничего.

— Как вы думаете, с ним все в порядке? — забеспокоился Том.

Тревожное ощущение становилось все сильнее.

— Не сомневаюсь, — сердито отозвался Филипп. — Очередная игра! — И ударил в дверь кулаком так, что та задребезжала и по дому разнесся гул.

Том оглянулся и заметил, каким неухоженным выглядит двор: трава не скошена, на клумбе с тюльпанами пустили ростки сорняки.

— Загляну-ка я в окно, — предложил он.

Продравшись сквозь зеленую изгородь подстриженного кустарника, он на цыпочках прошел через клумбу и бросил взгляд в окно спальни. В комнате что-то было не так, но Тому потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что именно. Сначала показалось, что там все как обычно: тот же кожаный диван, те же кресла с широкими подлокотниками, тот же сложенный из камня камин и кофейный столик. Но раньше над камином висела большая картина, а теперь ее не было. Том принялся ломать голову, кто был художник: то ли Брак, то ли Моне. И в этот момент сообразил, что вместе с картиной исчезла римская бронзовая статуэтка мальчика, которая стояла слева от камина. На книжных полках зияли дыры — оттуда кто-то вытащил тома. И вообще в спальне царил беспорядок. А на полу перед дверью в коридор валялся мусор: смятая бумага, обертка от жвачки, скомканная упаковочная лента.

— Ну что там, док? — донесся из-за угла голос Филиппа.

— Иди посмотри сам.

Брат с недовольным видом полез в заросли, и колючки кустарника впились в полы его модного пиджака. Вернон последовал за ним.

Филипп заглянул в окно спальни и удивленно воскликнул:

— Липпи...⁴ тот, что висел над диваном... исчез! И Брак тоже. Он их куда-то дел. Продал!

— Не переживай, Филипп, — перебил его Вернон. — Он

их, наверное, просто упаковал. Решил переезжать. Вспомни, ты сам ему постоянно твердил, что этот дом для одного слишком велик и слишком уединенно стоит.

Глаза Филиппа сразу потухли.

— Да-да, конечно.

— Видимо, этому и посвящена наша таинственная встреча, — продолжал Вернон.

Филипп промокнул лоб шелковым платком.

— Ты прав. Я, должно быть, устал после перелета. И что тут за бардак? Когда отец увидит, его хватит удар.

Братья молча стояли в кустах и переглядывались. Беспокойство Тома достигло высшей точки. Если отец решил переезжать, то выбрал для этого какой-то странный способ.

Филипп вынул трубку изо рта.

— Как вы считаете, это он специально для нас все устроил? Что-то вроде небольшой головоломки?

— Попробую проникнуть внутрь, — отозвался Том.

— А как же сигнализация?

— Черт с ней, с сигнализацией.

Том обогнул дом и вышел к тыльной стороне здания. Братья последовали за ним. Затем он перелез через стену и оказался в небольшом закрытом садике с фонтаном. Теперь окно спальни было прямо на уровне глаз. Том наклонился и вытащил камень из поддерживавшей клумбу стенки. Приблизился к окну и прикинул камень на руке.

— Ты что, серьезно собираешься расколотить стекло?

В ответ Том размахнулся и швырнул камень в окно. Когда замер звон разлетевшихся осколков, все напряженно прислушались.

Тишина.

— Никакой сигнализации, — заметил Филипп.

— Мне это не нравится, — покачал головой Том.

Филипп заглянул в образовавшуюся дыру, и Том заметил, как от какой-то внезапной мысли исказилось

его лицо. Брат выругался и одним махом, как был в пиджаке и с трубкой, перепрыгнул через подоконник.

— Что это с ним? — удивился Вернон.

Том не ответил и полез в окно за братом. Вернон последовал их примеру.

Спальня, как и остальные комнаты, лишилась всех произведений искусства. Повсюду царил беспорядок: следы грязных подошв, мусор, обрывки упаковочной ленты, обертки от жвачки и кульки из-под попкорна. И тут же на полу гвозди и обрезки деревянных планок. Том вышел в коридор — и там одни голые стены. А он помнил, что в коридоре висел Пикассо, еще один Брак и стояла пара стел народа майя. Теперь все исчезло.

Том чувствовал, как в нем нарастает паника, кинулся по коридору и замер в дверях гостиной. Филипп был уже там и, стоя посередине с побелевшим лицом, обводил взглядом помещение.

— Сколько раз я ему твердил, что это непременно случится. Преступное легкомыслие держать здесь все эти вещи. И вот доигрался!

— Что такое? — встревожился Вернон. — В чем дело, Филипп? Что случилось?

— Нас обокрали, — с трудом, почти шепотом ответил брат.

² Имеются в виду деревья семейства мальвовых; их плоды и семена покрыты похожим на хлопок пушком. Это дерево — один из священных символов мифологии майя.

³ «Мейм» — популярный американский мюзикл.

⁴ *Фра Филиппо Липпи* (ок. 1406–1469) — итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения, автор религиозных картин и фресок.

Детектив лейтенант Хатч Барнаби из полицейского управления Санта-Фе приложил ладонь к костлявой груди, откинулся на стуле и поднес к губам очередную, десятую за день, чашку из «Старбакса». Потянул крючковатым носом горьковатый аромат прожаренных зерен, посмотрел в окно на одинокое хлопковое дерево и, засовывая длинные ноги глубже под стул, подумал: отличный весенний денек выдался сегодня в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, США. 15 апреля. Весенние виды. Срок подачи налоговых деклараций. Все сидят по домам, подсчитывают деньги и приводят себя в чувство размышлениями о морали и нужде. Даже преступники берут выходной.

Лейтенант с чувством глубокого удовлетворения отхлебнул кофе. Если бы не трезвонящий телефон, жизнь была бы прекрасна.

Краем сознания он уловил, как Дорин отвечала на вызов, и ее четкие гласные влияли в открытую дверь:

— Извините, не могли бы вы говорить помедленнее? Не кладите трубку, сейчас позову сержанта.

Барнаби заглушил ее реплику шумным глотком кофе. Потянулся ногой в сторону двери кабинета и толчком прикрыл створку. Слава богу, вернулась тишина. Но ненадолго. Послышался стук в дверь.

Черт бы побрал этот телефон!

Лейтенант поставил кофе на стол и выпрямился.

— Войдите.

В дверь заглянул сержант Гарри Фентон. По одному взгляду на его оживленное лицо Барнаби понял, что произошло нечто выдающееся: его подчиненный был не из тех, кто любил спокойные дни.

— Хатч!

— Мм?..

— Обокрали дом Бродбента, — восторженно доложил он. — У меня на телефоне один из его сыновей.

— И что украли? — У лейтенанта не дрогнул ни один мускул.

— Все! — Черные глаза сержанта светились от удовольствия.

Барнаби сделал глоток кофе, отхлебнул еще, а затем поднялся и пнул стул. Дьявол!

Пока они с сержантом ехали по старому шоссе Санта-Фе, Фентон рассказывал о краже. Он слышал, что коллекция Бродбента стоила около полумиллиарда. Если это хоть сколько-нибудь соответствует истине, о преступлении напишут на первой полосе «Нью-Йорк таймс»! Да что там «Нью-Йорк таймс»! Обеспечена первая страница в «Таймсе»! Можете себе представить?

Лейтенант не мог. Но ничего не ответил. Он уже привык к восторгам Фентона. Барнаби остановил машину у начала петляющей подъездной аллеи, которая вела к имению Бродбентов. Сержант вылез из машины и, весь светясь от предвкушения, повел длинным носом в сторону дома. А Хатч, шагая по дорожке, смотрел себе под ноги. Он заметил полустершийся след фургона с небольшим прицепом, который вел туда и обратно. Сюда явились нагло, не скрываясь. Так что Бродбент либо уехал сам, либо его убили. Скорее всего, второе, и сейчас они обнаружат в доме его холодный труп.

Дорожка сделала крюк и, выпрямившись, вывела к открытым воротам, которые охраняли свободно раскинувшееся среди поросших хлопковыми деревьями лугов сельское поместье с приземистым домом. Лейтенант задержался осмотреть ворота. Они оказались механическими, с двумя моторами. Следы взлома отсутствовали, но электрический щиток был открыт, и внутри торчал ключ.

Хатч опустился на колени. Ключ находился в положении деактивации электрической цепи сигнализации.

— Что скажешь? — повернулся он к сержанту.

— Подкатили на фургоне, заранее запасшись ключом от ворот. Ребята — профессионалы. Сдается мне, что мы обнаружим в доме труп.

— Вот за что я тебя люблю, Фентон, — ты читаешь мои мысли.

Лейтенант услышал крик и увидел троих мужчин, направлявшихся к ним через лужайку. Недоумки шли прямо по траве.

— Вы что? — возмущился он. — Не понимаете, что это место преступления?

Двое остановились, но первый, высокий мужчина в костюме, продолжал двигаться вперед.

— А вы-то кто такой? — надменно-холодно спросил он.

— Я детектив, лейтенант Хатчинсон Барнаби, — ответил полицейский. — Со мной сержант Гарри Фентон. Полицейское управление Санта-Фе.

Фентон одарил подходившего улыбкой, хотя скорее не улыбнулся, а только обнажил зубы.

— Вы сыновья?

— Да, — подтвердил тот, что был в костюме. И удостоился нового оскала сержанта.

Барнаби воспользовался мгновением и окинул взглядом будущих возможных подозреваемых.

Хиппи в пеньковых штанах обладал открытым, честным лицом — не свет в окошке, но и не бандитская рожа. Другой был в сапогах. И лейтенант с уважением отметил, что сапоги испачканы натуральным лошадиным навозом. Третий носил костюм и выглядел так, словно только что явился из Нью-Йорка. А лейтенант не сомневался: всякий, кто живет в Нью-Йорке, есть потенциальный убийца. Способен укокошить собственную бабушку. Он снова окинул

мужчин взглядом: трудно было себе представить настолько непохожих братьев. Удивительно, что они одна семья.

— Это место преступления. Поэтому, джентльмены, должен попросить вас покинуть территорию. Выходите из ворот, встаньте под деревом или где-нибудь поблизости и подождите меня. Я вернусь минут через двадцать. Хорошо? Не топчите и ничего не трогайте. И не говорите друг с другом о преступлении и о том, что вы видели. — Повернулся, но вдруг, словно вспомнив, спросил: — Украли всю коллекцию?

— Именно это я сообщил по телефону, — бросил «костюм».

— Сколько она стоила — навскидку?

— Что-то около пятисот миллионов.

Барнаби дотронулся до полей шляпы и посмотрел на сержанта. Выражение неприкрытого удовольствия на лице подчиненного напугало бы любого проходимца. Направляясь к дому, лейтенант подумал, что неплохо бы поостеречься, следует держать ухо востро, еще немного — и сюда понаедут федералы, интерполовцы и бог знает кто еще. Он решил осмотреться, пока не явились криминалисты. И, засунув большие пальцы рук за ремень, окинул дом взглядом. Интересно, была ли застрахована коллекция? Небезынтересный вопрос. Если застрахована, то не исключено, что Максвелл Бродбент не так уж безнадежно мертв. А потягивает «Маргариту»⁵ с какой-нибудь милашкой на пляже в Пхукете.

— Я вот думаю, страховался Бродбент или нет? — заговорил Фентон.

Лейтенант улыбнулся напарнику и снова перевел взгляд на дом. Окно было разбито, на дорожке мешанина следов, кустарник помят. Свежие следы оставили сыновья, но, кроме них, он заметил много других, не таких свежих. Отпечатки покрышек вели

туда, где припарковали фургон. Затем, прежде чем уехать, машина долго разворачивалась. Похоже, кража произошла неделю или две назад.

Теперь важнее всего найти труп, если таковой имеется. Полицейский посмотрел на обрывки упаковочной ленты, обертку от жвачки, раскиданные гвозди и обрезки досок. На ковре виднелся слой пыли и небольшие вмятины. Здесь, судя по всему, устанавливали настольную пилу. Профессиональная работа. И к тому же шумная. Люди не только понимали, что делают, но совершенно не спешили. Лейтенант принял. И не почувствовал сладковато-кислого свиного запаха трупа.

Внутри следы казались такими же старыми, как и снаружи, может быть недельной или двухнедельной давности. Хатч наклонился и понюхал валявшийся на полу обрезок дерева. Он не пах, как обычно пахнет свежий распил. Подобрал занесенный в дом стебелек травы и растер между пальцами. Сухой. И кусочки грязи с подошв сапог тоже были абсолютно сухими. Барнаби прикинул: последний дождь выпадал две недели назад. Значит, вот когда это произошло: в пределах суток после дождя, пока земля еще не просохла и оставалась мягкой.

Он прошел в просторный центральный сводчатый зал. Там стояли постаменты с бронзовыми табличками, на которых некогда красовались статуи. На стенах, где висели картины, виднелись светлые прямоугольники и выступали крюки. На металлических подставках с плетеными кольцами явно хранились старинные вазы. Полки зияли пыльными, голыми ячейками, а в книжных стеллажах, откуда вынули тома, темнели пустоты.

Полицейский подошел к дверям спальни и оглядел вереницу ведущих внутрь и выходящих в коридор следов. Сюда тоже нанесли засохшую грязь. Господи, да их здесь было не меньше полудюжины. Такой большой

переезд. Потребовался день работы, а то и два.

В спальне стоял какой-то агрегат. Барнаби узнал в нем аппарат для запенивания вроде тех, что встречаются в отделениях «Ю-пи-эс»^б. В другой комнате обнаружилась упаковочная машина для ценных предметов. Повсюду валялись обрезки досок и металлической стягивающей полосы, кусочки войлока, винты, гайки-барашки, даже лежала пара профессиональных пил. Одного инструмента оставили не меньше чем на две тысячи долларов. Ничего не удосужились забрать. В гостиной не взяли телевизор за десять тысяч, видеомаягнитофон и DVD-проигрыватель. И еще два компьютера. Лейтенант вспомнил свой убогий телевизор и видак, за которые до сих пор расплачивался, хотя теперь по вечерам порнуху смотрят жена и ее новый приятель.

Барнаби осторожно перешагнул через лежавшую на полу видеокассету.

— Три к пяти, что наш клиент мертв, и два к пяти, что это махинация со страховкой, — предположил Фентон.

— Не стесняйся, наслаждайся жизнью, — посоветовал ему лейтенант.

Должен же кто-нибудь был заметить, что здесь творилось! Дом стоял на вершине холма и открывался всему Санта-Фе. Удосужься он сам две недели назад выглянуть из окна своей квартирки в долине, и стал бы свидетелем кражи: дом светился всеми огнями, а по дороге полз фургон с зажженными фарами. Полицейский в который раз удивился наглости грабителей. Что-то уж больно они были уверены в себе. С чего бы?

Он посмотрел на часы. До приезда машины криминалистов оставалось совсем немного времени.

Барнаби быстро, но внимательно осмотрел комнаты. Старался не пропустить ничего, одновременно делая пометки. Он по опыту знал: записки потом бередили, не давали покоя. Были осмотрены все помещения — работа

подходила к концу. И вдруг в одной из комнат он обнаружил незапакованные коробки и разбросанные по полу счета. Барнаби подобрал клочок бумаги. Это оказался чек годичной давности за отгрузку французских кастрюль, сковородок и японских и немецких ножей на двадцать четыре тысячи долларов. Этот парень что, держит ресторан?

В гардеробной при спальне обнаружилась полуоткрытая металлическая дверь.

— Форт-Нокс⁷, — пошутил Фентон.

Лейтенант кивнул, а сам подумал: что могли хранить в таком тайнике в доме, где держали картины стоимостью в миллионы долларов?

Не прикасаясь к двери, он проскользнул внутрь. Тайник оказался пустым, только на полу валялся мусор и несколько деревянных пеналов для карт. Барнаби достал платок и с его помощью открыл шкаф. Бархат сохранил отпечатки, где недавно стояли какие-то предметы. Полицейский повернул дверцу и рассмотрел замок — на нем не было никаких следов взлома. В комнатах, насколько он успел заметить, тоже не вскрывали шкафов.

— У грабителей имелись все коды и ключи, — прокомментировал сержант.

Барнаби кивнул. Это была не кража.

Он вышел из дома и быстро обошел сад.

Имение выглядело одичалым. Все заросло сорняками. Здесь ни за чем не ухаживали. Траву не косили не меньше двух недель. Повсюду царило запустение. И судя по всему, развал начался задолго до так называемой кражи. Дом был заброшен месяц или два назад.

Если дело было в страховке, следовало подумать о сыновьях. Возможный вариант.

⁵ «*Маргарита*» — популярный в юго-западных штатах коктейль из текилы и лимонного сока.

⁶ «*Юнайтед парсел сервис*» — частная служба доставки посылок.

⁷ *Форт-Нокс* — военная база в штате Кентукки, на территории которой находится хранилище золотого запаса США.

3

Он нашел их в тени сосны — все трое стояли, нахмурившись, сложив на груди руки.

— Ну как, что-нибудь нашли? — спросил тот, что был в костюме, когда Барнаби приблизился.

— Что, например? — пожал плечами полицейский.

Сын Бродбента поморщился:

— Вы хоть представляете, что здесь украли? Речь идет о сотнях миллионов. Господи, как же им удалось все это вывезти? Там были знаменитейшие произведения искусства. Один Липпи оценивается в сорок миллионов долларов. Все это уже наверняка на пути на Ближний Восток или в Японию. Вам следует позвонить в ФБР, связаться с Интерполом и закрыть аэропорты...

Филипп остановился, чтобы перевести дыхание.

— У лейтенанта Барнаби появилось несколько вопросов, — перебил его Фентон, вступая в привычную роль. Голос взлетел на высокие ноты, но при этом оставался на удивление мягким, хотя в нем чувствовалась скрытая угроза. — Будьте любезны, назовите свои имена.

Вперед выступил мужчина в ковбойских сапогах:

— Я Том Бродбент, а это мои братья — Вернон и Филипп.

— Послушайте, офицер, — начал тот, кого представили Филиппом. — Эти сокровища явно предназначаются для спальни какого-нибудь шейха. Открыто продать их нечего и надеяться — они слишком хорошо известны. Не обижайтесь, но я действительно считаю, что полицейскому управлению Санта-Фе с этим делом не справиться.

Барнаби раскрыл записную книжку и посмотрел на

часы. До приезда машины криминалистов из Альбукерке оставалось еще минут тридцать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, Филипп. Ничего, что я называю вас по имени?

— Пожалуйста, только бы расследование продвигалось.

— Сколько лет каждому из вас?

— Тридцать три, — ответил Том.

— Тридцать пять, — подхватил Вернон.

Последним свой возраст назвал Филипп:

— Тридцать семь.

— Каким образом случилось, что вы прибыли все вместе? — Полицейский повернулся к Вернону. Ему показалось, что этот персонаж новейших времен менее других способен солгать.

— Отец прислал нам письма.

— Какого содержания?

— Ну... — Вернон нервно покосился на братьев. — Он толком ничего не объяснил.

Барнаби перевел взгляд на Филиппа:

— Можете что-нибудь добавить? Что хотел от вас отец?

— Без понятия.

Настала очередь Тома. Полицейский решил, что ему нравится лицо младшего из братьев. Не нахрапистое лицо.

— А вы, Том, можете мне чем-нибудь помочь?

— Мне кажется, он хотел поговорить о наследстве.

— О наследстве? Сколько лет вашему отцу?

— Шестьдесят.

— Он болен? — Вопрос был задан сержантом. Фентон подался вперед, слова прозвучали почти грубо.

— Да.

— Сильно?

— Умирает от рака.

— Простите, — извинился Барнаби и предостерегающе махнул рукой, прерывая поток бестактных вопросов

своего подчиненного. — Эти письма при вас?

Все трое достали листки. Текст был написан от руки на бумаге цвета слоновой кости. Полицейский отметил, что письма оказались у каждого. Это о чем-то да говорило. Братья явно придавали значение встрече с отцом. Он взял одно из писем и прочитал:

Дорогой Том!

Я хочу, чтобы ты явился в мой дом в Санта-Фе 15 апреля ровно в 13:00. Это очень важно для твоего будущего. Я попросил о том же Филиппа и Вернона. Прилагаю сумму, необходимую для оплаты дорожных расходов. Пожалуйста, не опаздывай — будь ровно в час. Окажи своему старику последнюю любезность.

Отец

— Может, излечился от рака или собрался отдать Богу душу? — спросил Фентон.

Филипп вытаращил на него глаза, затем перевел взгляд на лейтенанта:

— Кто этот тип?

Барнаби укоризненно посмотрел на отбившегося от рук подчиненного.

— Мы все здесь делаем одно дело — стараемся узнать, кто совершил преступление.

— Насколько я понимаю, — проворчал Филипп, — у отца не было шансов на выздоровление. Он прошел курс облучения и химиотерапии, но пошли метастазы, от которых не удалось избавиться. И он отказался от дальнейшего лечения.

— Простите, — повторил лейтенант, тщетно пытаясь вызвать в себе хотя бы малую толику сострадания. — Вернемся к письму. В нем говорится о некоей сумме, необходимой для оплаты дорожных расходов. Как велика эта сумма?

— Тысяча двести долларов наличными, — ответил Том.

— Наличными? В каком виде?

— Двенадцать стодолларовых купюр. Посылать деньги подобным образом было характерно для нашего отца.

В разговор снова вмешался Фентон:

— Сколько ему оставалось жить? — Вопрос он адресовал непосредственно Филиппу и при этом выставил вперед голову.

А голова у него была отменно страшная — узкая, угловатая, лицо с тяжелыми надбровными дугами и глубоко посаженными глазами; из вывороченных ноздрей огромного носа вылезали пучки черных волос; подбородок был срезан, во рту желтели кривые зубы. Несмотря на английское имя, его кожа отливала оливковым оттенком. Фентон был по происхождению испанцем из города Тручас, что по пути к горам Сангре-де-Кристо. Сержант имел устрашающую внешность, хотя был добрейшим на свете человеком.

— Около шести месяцев.

— И зачем он вас пригласил? Раздать всем сестрам по серьгам? — Фентон, когда хотел, умел вести себя отвратительно. Но такая манера давала свои результаты.

— Что ж, это можно сформулировать и таким милым образом, — холодно отозвался Филипп. — Вполне возможно.

— Скажите, Филипп, — мягко вмешался лейтенант, — обладая такой коллекцией, ваш отец не пытался сделать распоряжение оставить ее музею?

— Максвелл Бродбент терпеть не мог музеи.

— Почему?

— Потому что музеи критиковали его за нетрадиционное коллекционирование.

— В чем оно проявлялось?

— В том, что отец приобретал произведения искусства сомнительного происхождения, вел дела с расхитителями гробниц и незаконно перевозившими

через границы предметы искусства контрабандистами. Бывали случаи, когда он сам похищал вещи из захоронений. Я могу понять его антипатии: музеи стали бастионами лицемерия, алчности и скарденности. Критикуют других за те же методы, которыми сами пользуются при составлении коллекций.

— А как насчет того, чтобы завещать коллекцию университету?

— Он ненавидит ученых. Называет их «недоумки в твиде» и «дьяволы в твиде». Университетские мужи обвинили Максвелла Бродбента в том, что он занимался расхищением храмов в Центральной Америке. Я не выдаю никаких семейных секретов — это хорошо известная история. Возьмите любой номер журнала по археологии, и вы узнаете, что наш отец является злом во плоти.

— Он намеревался продать коллекцию? — продолжал задавать вопросы лейтенант.

Губы Филиппа презрительно скривились.

— Продать? Отец всю жизнь общался с аукционными домами и дилерами от искусства. Он скорее позволит разрезать себя на тысячу кусков, чем согласится продать самый захудалый эстамп.

— Значит, он собирался оставить коллекцию вам троим?

Наступило неловкое молчание.

— Надо думать, — наконец проговорил Филипп.

— А как насчет церкви? Жены? Подружки? — вмешался в разговор Фентон.

Филипп сунул трубку в рот и, пародируя рубленую речь сержанта, бросил:

— Атеист. Разведен. Женоненавистник.

Его братья рассмеялись. И даже Хатч Барнаби получил удовольствие от того, как утерли нос его подчиненному. Сержанта редко переигрывали во время допроса. А этот Филипп, несмотря на свою манерность, оказался